БОЯРЫНЯ

Въ Москвѣ, въ Лафертовской части, стоялъ старинный боярскій домъ, замѣчательный, если не по наружности своей, то по–крайней–мѣрѣ по внутреннему расположенію и по своимъ жильцамъ. Внизу былъ цѣлый рядъ закоптѣлыхъ комнатъ, съ безконечнымъ числомъ переборокъ и перегородокъ, испещренныхъ картинками такого разбора, которыя обыкновенно прилѣпляются мякишемъ хлѣба къ стѣнѣ; тряпицы разнаго рода висѣли, перекинутыя черезъ ширмы и перегородки; мужчины и женщины, дѣти всѣхъ возрастовъ, нѣсколько собакъ и кошекъ, птицы въ клѣткахъ, крикъ и говоръ со всѣхъ сторонъ, а въ–особенности нѣсколько дряхлыхъ стариковъ и старухъ, которыхъ удушливый кашель раздавался подъ сводами — все это придавало цѣлому видъ какой–то богадѣльни; но развѣшенныя тутъ и тамъ ветхія, изношенныя ливреи и восьмидесятилѣтній швейцаръ въ передней, котораго перевязь, повѣшенная, для

сподручности, на поставленную въ уголъ булаву, разсыпалась уже въ бахромчатыхъ мохрахъ, показывали, что это должно быть заведеніе инаго рода: тутъ жило семнадцать семей, до семидесяти душъ дворни. Швейцаръ былъ почти слѣпой, и заставляя, по временамъ, внука своего читать вслухъ священное писаніе, надѣвалъ на носъ очки и глядѣлъ въ книгу только по старой привычкѣ: онъ уже буквъ не различалъ...

Во второмъ ярусѣ были такъ–называемыя парадныя комнаты. Этотъ безконечный рядъ направо и налѣво растворялся со временъ императрицы Екатерины, только нѣсколько разъ для провѣтриванія и очистки. Здѣсь, уже въ царствованіе блаженныя памяти императора Павла, все было съѣдено молью и мышами, что только моль и мыши могутъ ѣсть; остальное истлѣло само–собой и шелковыя занавѣсы, обои и покрышка мёбели висѣли въ огромныхъ лохмотьяхъ до самаго полу. Поэтому такъ–называемая уборка парадныхъ комнатъ, совершавшаяся ежегодно къ святой–недѣлѣ, представляла довольно–замѣчательное зрѣлище:

избранные и испытанные въ–теченіе пятидесяти лѣтъ старые слуги, на которыхъ одежда была почти въ такомъ же положеніи, какъ обои на стѣнахъ парадныхъ комнатъ, съ благоговѣніемъ переступали завѣтный порогъ прадѣдовскаго жилья, осторожно обметали столы, окна и мёбель, между–тѣмъ, какъ призванная на помощь барская барыня, также слѣпая, ходила съ молоденькою внучкою своею и подшпиливала, по ея указаніямъ, булавками висящія со стѣнъ, дивановъ и занавѣсокъ лохмотья. Затѣмъ, вѣрные слуги, помолившись передъ золотыми иконами въ этихъ покояхъ, чинно выходили, дверь затворялась на замокъ и круглый годъ, до слѣдующей пасхи, ничья живая нога не переступала завѣтнаго порога.

Переходимъ по старой, тяжелой дубовой лѣстницѣ въ третій ярусъ. Здѣсь одна половина, цѣлый рядъ покоевъ, служитъ кладовою, самою разнообразною и пестрою изъ всѣхъ кладовыхъ, потому–что барская барыня, или ключница, ужь пятьдесятъ лѣтъ сряду совала туда все, что ни

попадалось ей подъ–руку, начиная отъ лишняго шкапа, кресла, хомута и ковра, и до отопковъ или обносковъ, отъ початой бутылки вина и до початой ватрушки или пирога. Здѣсь никогда и никакой уборки не допускалось; все стояло и лежало такъ, какъ было поставлено и положено 10, 20, 30, 40 и 50 лѣтъ назадъ... На другой половинѣ этого третьяго яруса жила сама хозяйка, почтенная кавалерственная дама давнихъ, предавнихъ временъ, которая сама занимала только двѣ комнаты, родъ гостиной и спальни, между–тѣмъ, какъ прочіе покои стояли также впустѣ или были обращены въ дѣвичьи, въ звѣринецъ мосекъ и шавокъ, да въ подручныя, ближнія кладовыя... Хозяйка постоянно сидѣла въ своей спальнѣ, выглядывала въ гостиную рѣдко, иногда въ недѣлю разокъ или два, когда ходила осматривать свое хозяйство. Этотъ осмотръ состоялъ въ томъ, что она проходила по дѣвичьей и заглядывала въ небольшую боковую комнату, насыщенную неизъяснимымъ благоуханіемъ: тутъ содержались и доживали вѣкъ свой, отставленныя за

дряхлостью и болѣзнью, моськи, шавки и болонки, съ особенной при нихъ прислугой. Съ ними же былъ заключенъ и сидѣлъ подъ всегдашнимъ колпакомъ, въ потьмахъ, попугай, попавшій въ немилость за неосторожное словцо, выпущенное имъ какъ–то съ–дуру и очень–некстати по случаю смерти старшаго сына почтенной хозяйки, человѣка лѣтъ пятидесяти, котораго она, впрочемъ, все еще трепала по щечкѣ, гладила по головкѣ, называя, притомъ, мальчикомъ и заботясь о томъ, чтобъ онъ не обкушался за обѣдомъ и не простудился, выѣзжая со двора.

Спальня старушки нашей, или собственно жилая комната ея, была загромождена до потолка самою разнообразною, исключительно–старинною утварью и украшеніями, такъ–что въ–теченіе часа или двухъ, проведенныхъ въ бесѣдѣ со старушкою, рѣшительно невозможно было обознаться и осмотрѣться, и вы выходили отъ нея съ какимъ–то темнымъ понятіемъ о хаотическомъ смѣшеніи всѣхъ возможныхъ предметовъ. У васъ въ памяти оставался

развѣ только загроможденный по уступамъ фарфоромъ и другою мелочью шкапъ, огромный, тяжелый, поселяющій невольно понятіе о постоянствѣ, довольствѣ и домовитости, да затѣмъ еще образной уголъ, гдѣ передъ иконою Всѣхъ Скорбящихъ, развѣшены были на блеклыхъ розовыхъ лентахъ, приношенія усерднаго, вѣрующаго сердца, серебряныя ручки, ножки и глазки.

Но этимъ описаніе наше еще не кончено. Въ домѣ есть и четвертый ярусъ, также цѣлый рядъ покоевъ, на двѣ половины, только пониже и потеплѣе прочихъ. Тутъ вы встрѣчали на каждомъ шагу какую-нибудь вдову или безродную сироту, въ вѣковѣчной печали, во всегдашнемъ черномъ платьѣ, съ чашечкою кофейку въ рукахъ. Это были отставныя поручицы, секретарши и совѣтницы, подчиненныя вдовой и сирой майоршѣ, которая, улыбаясь, перекачивалась изъ кельи въ келью, стараясь убѣдительнымъ краснорѣчіемъ своимъ, помирить перессорившихся и возбудить въ нихъ признательность къ хозяйкѣ, пріютившей

ихъ, сиротъ, подъ старость. Вы видите, что это, какъ и въ нижнемъ ярусѣ, была родъ богадѣльни, но только въ другомъ родѣ: тамъ жили дворовые, старые слуги, а здѣсь вольнопромышляющія проживалки, много–пострадавшія на вѣку своемъ за отечество и успокоившіяся на хлѣбахъ благодѣтельницы. Ихъ жило тутъ постоянно до пятнадцати; но эта буйная команда толстой майорши, несмотря на желаніе хозяйки, пріобрѣсти себѣ этимъ способомъ дюжину богомолицъ, не поминала ее добромъ, какъ это само–собой разумѣется; всѣ онѣ полагали, что такая вельможа, кавалерственная дама, и притомъ, страшная богачка, могла бы содержать получше заслуженныхъ, почтенныхъ, хотя и обиженныхъ завистливымъ свѣтомъ сиротъ... Много проклятій раздавалось въ этихъ кельяхъ надъ головою бѣдной хозяйки дома, точно будто ихъ тутъ держали въ неволѣ, и много труда стоило начальствующей майоршѣ помирить, или хотя успокоить нѣсколько двухъ разгнѣванныхъ сожительницъ, которыя сталкивались за очагомъ съ кофейниками

своими, или кидали часть одежды своей такъ неосторожно на перегородку, что подолъ, либо рукава перевѣшивались къ тоскующей по убитомъ мужѣ сосѣдкѣ, которая въ неутолимой двадцатилѣтней печали своей не могла равнодушно переносить подобныхъ обидъ...

Само–собою разумѣется, что добродѣтельная хозяйка этого замѣчательнаго дома славилась въ кругу своемъ примѣрной женщиной. При заботѣ ея о заслуженныхъ, старыхъ слугахъ, о вдовахъ и сиротахъ, она, конечно, напередъ всего заботилась о родныхъ и ближнихъ своихъ, напримѣръ, о дѣтяхъ... Разскажемъ же въ нѣсколькихъ словахъ, что она сдѣлала въ этомъ отношенiи.

Богъ далъ ей во время оно до пяти дѣтей, но четверо изъ нихъ умерли уже въ дѣтствѣ; одинъ только сынъ выросъ и возмужалъ. Мы упомянули о немъ въ началѣ этого разсказа. Старина легко забывается и потому о воспитанiи дѣтей этихъ до нашего поколѣнiя дошли одни только темные слухи, или, вѣрнѣе сказать, отрывочныя свѣдѣнiя.

Не жалѣя расходовъ для образованія дѣтей своихъ, вельможная боярыня принаняла для нихъ нѣсколькихъ нѣмцовъ и французовъ обоего пола; между ними были главные наблюдатели, учители, блюстители нравственности, наставники и проч.; но, любя притомъ дѣтей своихъ всею горячностью материнскаго сердца, она не предоставила ихъ произволу этихъ наемщиковъ, въ–особенности же самолично чинила ежедневно судъ и расправу, являясь для этого въ урочный часъ. Послѣдствія этого были двоякія: вопервыхъ, гувернёры и гувернантки вымѣщали немощь свою на дѣтяхъ одними только щипками и толчками, а вовторыхъ, дѣти знали и видѣли мать свою только въ качествѣ грозной Немезиды, такъ–что съ самимъ именемъ ея соединялось одно только понятіе о карательной власти. Правда, что природа вложила въ дитя невольную любовь и привязанность къ родителямъ, какъ мы это видимъ даже у всѣхъ, безъизъятія, животныхъ; но эта безотчетная привязанность, основанная на чувствѣ самохраненія, длится не долѣе того

времени, какъ и возрастъ младенческій и отроческій, гдѣ существо слабое, несовершенное, чувствуетъ безсиліе свое и ищетъ вещественнаго покровительства; далѣе остается уже одно нравственное вліяніе, котораго у животныхъ нѣтъ, почему у нихъ возмужалыя дѣти и покидаютъ родителей, не узнавая ихъ вовсе впослѣдствіи и не отличая отъ чужихъ. И если человѣкъ унизится, въ качествѣ родителя, до животнаго, ограничивъ связь свою съ дѣтьми одними только плотскими и вещественными отношеніями, оставивъ нравственныя въ сторонѣ, то ихъ и не будетъ у сына или дочери; а возмужавъ, они отпадутъ навсегда, какъ отрѣзанный ломоть.

Не баловать дѣтей было первымъ правиломъ благоразумной матери, но въ переводѣ на общій языкъ это значило: перечить имъ во всемъ, даже въ самыхъ невинныхъ дѣтскихъ затѣяхъ и скромныхъ желаніяхъ, требуя отъ нихъ, чтобъ они, вопреки основныхъ законовъ природы, отказались отъ всякой свободной воли, дарованной человѣку, а жили и даже

думали чужою волею. Отъ этого, какъ извѣстно, человѣкъ глупѣетъ и нерѣдко становится вовсе юродивымъ, а между–тѣмъ, подавленная природа силится высказаться хоть чѣмъ–нибудь, потому–что ее убить нельзя, покуда жива плоть, и слѣдствіемъ этого бываетъ нравственная уродливость, основанная на двухъ крайностяхъ: на отсутствіи нравственныхъ убѣжденій и упорномъ упрямствѣ; на отсутствіи воли и необузданности своеволія.

При многоначаліи подобнаго воспитанія, гдѣ еще, кромѣ наставниковъ и наблюдателей всѣхъ родовъ, должно вспомнить значеніе и вліяніе прислуги, благородства, чести и откровенности быть не можетъ въ воспитанникахъ, которые невольно сродняются съ ложью и обманомъ, какъ съ ходячею монетой. Коль–скоро безразсудство воспитателя требуетъ отъ воспитанника несбыточнаго, забывая притомъ, что на желанія и помышленія нѣтъ пошлины, то неминуемое послѣдствіе этого было и всегда будетъ: ложь, утайка, обманъ, подлогъ. Вотъ чему мы учимъ дѣтей, воображая, что учимъ ихъ

добру, а послѣ называемъ неблагодарными выродками!

Итакъ четверо дѣтей боярыни нашей умерли еще въ дѣтствѣ, несмотря на то, что ихъ кутали въ хлопчатую бумагу, или даже, можетъ–быть, собственно по этой причинѣ. По тогдашнему повѣрью старыхъ слугъ, ходила по–крайней–мѣрѣ молва, что барыня замучила своихъ дѣтей. Пережилъ всѣ искусы эти одинъ сынъ, выросъ и возмужалъ, но, конечно, былъ и духовно и тѣлесно тѣмъ, чѣмъ подобное воспитанiе могло его сдѣлать.

Скорбя душой о преждевременной смерти прочихъ дѣтей своихъ, боярыня до–того прилѣпилась материнскимъ сердцемъ къ своему одинцу, что берегла и стерегла его поистинѣ какъ зеницу ока. Въ глазахъ ея онъ не выросталъ, не возмужалъ, онъ все еще былъ ребенкомъ, который не могъ жить безъ няньки, не могъ обѣдать безъ подвязной салфетки, не могъ уснуть безъ припѣва: баю, дитятко, баю. Ему, по общему закону природы, стукнуло двадцать лѣтъ, потомъ двадцать–пять и тридцать, но онъ оставался для матушки все тѣмъ же

Петрушей, и она покатилась замертво съ кресла, когда кто–то вздумалъ убѣждать ее отпустить сына на службу, или хоть опознаться на бѣломъ свѣтѣ, куда–нибудь за Москву–бѣлокаменную. Съ–тѣхъ–поръ о такихъ ужасахъ не было и рѣчи. Нашлась другая пріятельница нашей боярыни, которая, зная о Петрушѣ гораздо–болѣе, чѣмъ родная мать, стала намекать ей, что пора бы его женить; но послѣдствія были тѣ же: обморокъ, весьма–близкій къ смерти; стало–быть, кончено: и объ этомъ нельзя было поминать. Боярыня, испуганная такими ужасными предложеніями, позвала сына, привѣсилась мертвымъ узломъ на шею его и, изъявляя изступленную материнскую любовь свою, подъ страшными заклятіями требовала отъ него троекратнаго повторенія клятвы, что онъ, не желая убить нѣжную мать свою, остается при ней на всю ея жизнь и будетъ слѣдовать во всемъ неотступно ея святой волѣ, не дозволяя себѣ даже и помышленій о волѣ собственной. Это ее нѣсколько успокоило и она повеселѣла; въ такомъ радостномъ расположеніи, желая излить

милости свои на послушнаго сына, она позволила ему отдѣлать и убрать надворную пристройку, въ которой онъ жилъ, по прихотямъ и желаніямъ его, и несчастному осталось одно только утѣшеніе: убрать свои комнаты, по произволу, малиновыми, желтыми или голубыми обоями и занавѣсками.

При однихъ и тѣхъ же обстоятельствахъ прошло еще пять, а потомъ и десять лѣтъ. Петруша сталъ уже сорокалѣтнимъ мальчикомъ... Тѣ, которые знали его, увѣряли, что онъ отъ природы былъ не золъ, не глупъ, и что изъ него, безъ всякаго сомнѣнія, вышелъ бы человѣкъ довольно–дѣльный и порядочный, еслибъ не было этихъ необычайныхъ материнскихъ заботъ и усилій о томъ, чтобъ вывернуть въ немъ все наизнанку. Что дѣлать! сердце матери больно.

Петруша внезапно заболѣлъ, пасмурная задумчивость его и нелюдимость (онъ стыдился людей) увеличилась, недужное тѣло стало изнемогать; врачи призадумывались, а матушка служила молебны, посылая каждые полчаса

освѣдомляться о здоровьѣ сына, потому–что сама она ужь лѣтъ десять не выходила изъ комнаты. Каждая изъ посылокъ этихъ, чрезъ полчаса по ложкѣ, гдѣ поперемѣнно то старая ключница, то одинъ изъ старыхъ слугъ являлись предъ постелью больнаго съ затверженнымъ привѣтствіемъ и вопросомъ; каждая изъ посылокъ этихъ уже сама–по–себѣ волновала кровь больнаго и отзывалась желчью. Онъ всегда отвѣчалъ: лучше; но врачи и окружающіе находили, что ему со дня на день становилось хуже. Прошло еще два дня, и природа обнаружила тайну свою: Петруша лежалъ на смертномъ одрѣ; ему приходилось скоро умереть. Кто посмѣетъ сказать это матери? Никто. Каждые полчаса докладывали ей, что ему лучше. Срокъ насталъ, часъ ударилъ и душа молча отлетѣла. И этого никто не посмѣлъ бы сказать барынѣ, страшась внезапной смерти ея отъ такого извѣстія, но общая тревога, шумъ, суетня и вой въ цѣломъ домѣ вскорѣ заявили боярынѣ о какомъ–то необычайномъ событіи.

— Что такое, спрашиваетъ она, позвонивъ: — что тамъ сдѣлалось?

— Не знаю, сударыня.

— Такъ поди, узнай, да сходи кстати къ Петру Иванычу, что–то онъ, голубчикъ, дѣлаетъ?

Посланная поспѣшила выскочить изъ дверей и, разумѣется, не возвращалась, а повыла съ прочими на дворѣ или въ сѣняхъ и потомъ забилась куда–то за двери.

Боярыня встревожилась, не постигая, что все это значитъ, позвала и отправила другаго, а затѣмъ и третьяго гонца, и наконецъ, ужь не могла никого докликаться, ни дозвониться: всякій боялся показаться на глаза; ждали священника и нѣсколькихъ ближнихъ, пріятельницъ и друзей дома, за которыми послали. Въ нетерпѣніи и изумленіи своемъ, боярыня сама поднялась съ мѣста и вышла въ дѣвичью, въ которой она бывала только по нѣскольку разъ въ году, при такъ–называемомъ осмотрѣ своего хозяйства: тутъ встрѣтила ее забившаяся за сундуки ключница, съ воемъ повалилась въ ноги и начала во весь голосъ причитывать...

Обморокъ боярыни на сей разъ длился недолго, чувства несчастной матери одержали верхъ: она приказала взять себя двумъ слугамъ подъ–руки и вести въ пристрой. Со стономъ и плачемъ, всплескивая руками и роняя голову свою то на одно плечо, то на другое, старушка наконецъ добралась до сыновнихъ покоевъ и переступила завѣтный порогъ; но, кинувшись къ трупу и упавъ въ безпамятствѣ у одра, она столкнулась съ какою–то вовсе незнакомою ей женщиною, которая, припавъ тутъ же на колѣни, выла, кричала, голосила и ломала руки. Боярыня еще не совсѣмъ опамятовалась, какъ слухъ ея поразили также дѣтскіе голоса и вопли, протяжно–возвышавшіеся отчаяннымъ завываньемъ своимъ надъ голосами сосѣдки ея и прислуги. Она открыла глаза и невольно взглянула на цѣлое семейство, повидимому столь близкое къ покойнику…

— Что это значитъ, спросила она: — кто это?

Всѣ молчали, а несчастная женщина съ девятью дѣтьми бросилась ей въ ноги. Она жила ужь лѣтъ десять въ одномъ домѣ съ

боярыней, а до хозяйки объ этомъ не дошло даже и слуха...

Смерть кажетъ животы, говоритъ пословица, и въ этомъ случаѣ смерть ихъ выказала, если живое назвать можно животомъ. Боярыня лишилась послѣдняго дѣтища: она оставалась на свѣтѣ одна, какъ перстъ, переживъ и старшихъ и младшихъ, и выдержавъ сына до пятидесяти лѣтъ какъ ребенка. Покинутая имъ семья, конечно, не входила въ разсчетъ нѣжной матери, но что было дѣлать?

Съ этого времени она посвятила себя благотворенію и основала въ собственномъ барскомъ дворцѣ богадѣльню, въ которой, какъ мы видѣли, ее бранятъ и клянутъ съ утра до вечера. Она окончательно удалилась отъ свѣта, не снимала печальной одежды, не переступала черезъ порогъ своей кельи, день и ночь молилась и плакала по сынѣ. Она понынѣ увѣрена, что посвятила всю жизнь свою любимому сыну и что во всѣхъ отношеніяхъ принесла себя ему на жертву. Ей и въ мысли не приходитъ, что жизнь эта соткалась изъ какой–то запутанной сѣти ханжества и

неограниченнаго властолюбія и что, промаявшись восемьдесятъ лѣтъ на свѣтѣ, она жила только на муку ближнихъ. Ее, впрочемъ, очень уважаютъ и, называя женщиною святой жизни, ставятъ въ примѣръ всѣхъ добродѣтелей, не объясняя, впрочемъ, какихъ именно.

В. ДАЛЬ.